

ИМЯ И МЕСТО

Е.К. Созина

Институт истории и археологии УрО РАН

ИМЯ И МЕСТО: БИАРМИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ XX В.

В статье воссоздается история содержательного наполнения одного из древних сакральных топов — Биармии, предположительно размещавшейся в северо-западной части Европейской России. Рассматривается ряд произведений авторов XX в., сделавших Биармию местом действия и предметом художественного осмысления. «Мифография» Биармии начинается здесь с эпической поэмы коми писателя Серебряного века К. Жакова. Привлекаются также произведения других авторов, среди них В. Иванов, Е. Сойни, В. Тимин; указываются направления трансформации ими исходной мифологемы этой древней земли.

Ключевые слова: *сакральные топосы, мифопоэтика, мифологемы, символические образы*

Sozina E.K.

Institute of History and Archeology UB RAS

NAME AND PLACE: BIARMIA IN THE 20TH CENTURY FICTION UNDERSTANDING

The article attempts to reconstruct the semantic history of Biarmia — an ancient sacral place, which was presumably located in the north-western part of European Russia. There have been studied a number of the 20th century authors' works where Biarmia became the place of action and the object of artistic understanding. Here, the «mythography» of Biarmia starts from an epic by K. Zhakov, a Komi writer of the turn of the nineteenth century. Other writers' works have also been considered, including V. Ivanov, E. Soini, V. Timin. The author of the article finds out their ways of transforming the original mythologeme of this ancient land.

Keywords: *Sacred topos, mythopoetics, mythologems, symbolic images*

В ряду сакральных топов, т. е. мест, обладающих статусом священных и потому особенно притягательных для людей, кроме реально существующих — таких, как озера Иссык-Куль и Байкал, гора Белуха на Алтае, местечко Дивеево, освященное культом Серафима Саровского, древний протогород Аркаим в южноуральских степях и мн. др., есть целый ряд мест, чье реальное существование не подтверждено историей и археологией, а люди, тем не менее, не только допускают существование подобного рода мест, но и верят в них, слагают легенды, порой даже совершают туда паломничество. Имя-место подобного рода зачастую наделяет-

ся своей историей и географией, особенностями ландшафта и становится в полной мере «гетеротопией» (используя термин М. Фуко), т. е. местом памяти и утопии, заветного, желаемого и практически недостижимого. К числу таких воображаемых мест можно отнести Атлантиду, Гиперборею, град Китеж, Шамбалу и др. Чаще всего они воплощают утраченный идеал, в силу каких-то неверных поступков людей (мифологема грехопадения) утраченный ими. Обратим внимание — чаще это большие территории, целые земли, материки, хотя есть и более локализованные топосы — города, монастыри, даже капища. К этому разряду священных мест следует отнести и Биармию — это тоже целая страна, огромная территория, местоположение которой до сих пор не ясно, но которое, несомненно, связано с северными регионами России. Пожалуй, их всех перечисленных у-топов/гетеротопий Биармия

© Созина Е.К., 2018

Созина Елена Константиновна, д. филол. н., профессор, зав. сектором истории литературы Института истории и археологии УрО РАН

elenasozina1@rambler.ru

наименее утопична, скорее, ее точное место «потерялось» в истории, но она, несомненно, существовала.

Как гласят многочисленные статьи в различных справочниках и энциклопедиях, Биармия — это «страна на крайнем северо-востоке Европейской части России, славившаяся мехами, серебром и мамонтовой костью; известна по скандинавским и русским преданиям IX–XIII вв.» [11] Однако более конкретное расположение Биармии до сих пор вызывает споры и разногласия: большая часть ученых и авторов иного рода считает, что эта территория связана с устьем Северной Двины (реки Вины по скандинавским источникам) и располагалась, следовательно, в нынешней Архангельской и Вологодской области, или в Заволочье, как называли прежде эту и прилегающие к ней территории. Иногда Биармию относят к Карелии и Кольскому п-ову; такие авторы как А.В. Галанин, а также А. и М. Леонтьевы полагают, что Биармия — это Беломорье, Русский Север, т. е. расширяют территорию побережья Сев. Двины [2], [6]. Известный историк Андрей Никитин, ожесточенно оспаривая эту точку зрения, размещал Биармию в стране ливов на Западной Двине [9]. Наконец, коми ученые и писатели считают древней Биармией свои земли, а кроме того, есть достаточно давняя позиция, идущая с XVII–XVIII вв. и связывающая Биармию с древней Пермью, с Прикамьем. Ее сторонниками были М.В. Ломоносов, В.Н. Татищев, Н.М. Карамзин и мн. др.; в основу отождествления Перми и Биармии было положено в первую очередь звуковое сходство слов (см. обзор этих позиций [6, с. 98–167]). В современной гуманитарной науке выразителем этой позиции стал В.В. Абашев, обосновавший присутствие «биармийско-чудского мифа» в составе «пермского текста» [1]. Ученые, занимавшиеся исследованием скандинавских, датских и др. источников, пришли к выводу о том, что каждый источник, взятый в отдельности, сообщал о «своей» Биармии. В течение IX–XVI вв. она «перемещалась» с востока на запад, от устья Северной Двины (согласно исландским королевским сагам IX–XII вв.) через Карелию на Кольский полуостров. А.В. Головнёв по поводу Биармии заключает: «Восточная Прибалтика, Кольский полуостров, Карелия, Верхнее Поволжье, Подвинье, Прикамье, Волжская Булгария — неполная панорама гипотетически отводимых для Бьярмии областей Северно-Восточной Европы. Судя по всему, давняя мечта исследователей приколоть Бьярмию к определенной точке на карте не исполнима. ...Для норманнов Бьярмия начиналась там, где завершался освоенный ими морской северо-восточный путь, а заканчивалась где-то за

пределами обитаемой земли, куда сходились пределы других необитаемых земель» [3, с. 8]. По-видимому, не менее прав и Н.М. Терехин, когда пишет: «“Бьярмаланд” скандинавских саг — это не какая-то географическая реальность, но обобщенный до стереотипа мифогеографический образ Севера, где лежат земли, населенные великанами и колдунами — финнами, где совершают свои подвиги герои скандинавского мифологического эпоса и волшебной сказки и, наконец, где расположена райская “страна бьярмов”, изобильная мехами и драгоценными камнями» [13, с. 264]. Иначе говоря, Биармия — это поистине воображаемое место, символическая реальность, помещающаяся между иллюзией и действительностью в пространстве «имагинативного абсолюта», открытого Э.Я. Голосовкером. Характерно, что в случае с Биармией более важным оказывается имя, нежели территория: имя оказывает мифопорождающее, магнетическое действие, оно является хранителем истории, человеческой памяти, выводит нас в иную реальность и заставляет искать себе место, ибо в нем отложились все те слои времени и воображения, что собирались в веках.

Тема Биармии имеет давние корни в литературе. В XIX веке она появляется в художественной литературе как край мечты и легенды, условная страна скандинавских саг. Так, у К. Батюшкова («Мечта»):

*Пал витязь знаменитый
Под тучей вражьи стрел!..
Ты пал! И над тобой посланницы небесны,
Валкирии прелестны,
На белых, как снега Биармии, конях,
С златыми копьями в руках
В безмолвии спустились!*

В записках путешественников, осваивавших просторы Севера во второй половине XIX в., также порой появляется имя Биармии — так называют северо-западные пространства России, в прежние времена населенные чудскими племенами. В описании К. Случевским путешествия с Великим Князем по Северу встречаем: «Вологодская губерния одна из частей древней фантастической Биармии, того Заволочья, от которого богател Великий Новгород, торгуя с Азией; это бывшее пепелище чуди, потомками которой являются зыряне...» [10, с. 186].

Но пик интереса к этой теме приходится, пожалуй, на наше время, когда тема Биармии перешла границы научного дискурса и стала предметом обсуждения в паранаучных кругах, превратилась в объект мифотворчества, литературного и исторического, а также в объект идеологических спекуляций (о чем еще в 1970-е гг. предупреждал А. Никитин): в поле этой мифологемы, символического топоса раз-

ворачиваются сегодня настоящие битвы, выстраиваются метаисторические конструкции, относимые к области фолк-истории. Здесь лишь упомянем, что и сегодня ряд авторов связывает Биармию с мифической Гипербореей или Арктидой, по преданию располагавшейся в районе Северного полюса и погибшей в результате глобальной катастрофы. Кроме того, Биармия, как ближайшее продолжение страны Золотого века Гипербореи, нередко объявляется родиной русов-славян, которые дали начало ариям¹.

Всплеск интереса к Биармии в XX в. следует, по-видимому, вести от эпической поэмы Каллистрата Жакова «Биармия», написанной этим известным в эпоху Серебряного века писателем коми в 1916 г., переведенной на латышский язык Янисом Райнисом и в 1924 г. опубликованной в Риге, а на русском языке — в авторском изложении — появившейся только в 1993 г., с параллельным текстом-переводом на коми.

Одной из своих задач в течение жизни К.Ф. Жаков полагал возрождение национального самосознания и культуры своего народа. Как показывает исследование П.Ф. Лимерова, он где записал, а где и написал нанове массу сказок, легенд, сказаний коми, и все его творчество в этом направлении завершилось созданием «Биармии» [7]. По замыслу автора, поэма является реконструкцией древнего Северного эпоса, точнее — эпоса народа Перми, родственного по языку и культуре всем народам, проживающим на обширной территории европейского Севера от Урала до Финляндии, с центральной областью — бассейном Северной Двины, — обозначенной в поэме как Биармия. Как писал сам Жаков, «Все то, что говорится в сагах о Биармии, имело место, как доказывают другие данные у вогулов, остяков и других финских племен Восточной России и Европы» [5, с. 6]. Одним из источников его произведения явились скандинавские саги, из них он взял не только имя Биармия и историю об ограблении викингами святилища бога Йомалы, но и ряд «бродячих» сюжетов, как, напр., сюжет женитьбы князя на иноземной принцессе. Однако, выстраивая картину гармоничной, исполненной поэзии жизни своих предполагаемых предков, Жаков размещает ее в пространстве, где реальная география мешается с мифологической, легендарной. В поэме «Яур, князь рыжебородый», «владелец» Джеджим-пармы, располагающейся «у верховьев быстрой Эжвы — Вычегды широкоструйной» [5, с. 35, 36] — отправляется в Биармию за невестой, синеглазой Райдой, и добывает ее вопреки сопротивлению отца, применив колдовство — усыпив стражей Райды. Столицей Биармии на-

зывается г. Кар-дор, скорее всего, нынешний Архангельск, описанный, согласно названию, как «красный город»: «Красным камнем среди топазов / Возвышался этот город / Над равниной травянистой, / Среди тундры, мхом обросшей, / Белым ягелем хрустящим» [5, с. 52]. Прочие же герои поэмы родом из лесных и речных мест, особенно подробно даны описания рек: «Локчим, Вишера за ними, / Сыктыв-ю из Пармы юга / Воды синие льют в Эжву; / И отсюда беспрерывно, / Горделиво катит волны / Вычегда рекой великой — / От востока вдаль, на запад. / Жаждет вод она слиянья / С черноглазою Двиною» [5, с. 39]. Далее в поэме упоминаются Печора, а также Кама, Тобол, Обь, т. е. реки выступают естественными ориентирами и разделителями пространства, как это было у разных народов в древности.

Ориентировочно центральные герои поэмы живут именно на территории нынешней республики Коми между Северной Двиной и Печорой, и, если судить строго, они не биармийцы, однако поэма называется именно «Биармия» — почему? Вероятно, Жаков следовал не только рассказам скандинавских саг, из которых европейцы узнали о Биармии, но и мифологическому представлению народов финно-угорских семьи о Биармии как древнем сильном и богатом государстве, размещавшемся к востоку от Северной Двины. Именно как «крайняя земля» присутствует Биармия у Жакова. Характерно, что он различает Пермь и Биармию: жителями древней Перми — «гористой Перми» — являются у него не биармийцы, а обитатели Джеджим-пармы, «стран Востока». Располагается «Пермь святая на увалах, / У истоков рек великих, / На узлах дорог Востока» [5, с. 50], т. е., более конкретно, в Уральском регионе. Чрезвычайно широко простирается этот мир на восток и северо-восток: за «Пермью гористой», владельцем которой выступает Яур, располагаются края вогулов, Югра с «самодеями», Сибирь с тунгусами и другими народами. Самой крайней землей с востока, упоминаемой в поэме, является Китай: сын Яура и Райды Югьдморт, попав в Сибирь, научился там читать «книги трудные Китая». А с запада граница мира поэмы опять-таки размыта. В «Биармии» Жакова упоминается также «Бог Юмала биармийцев», бог неба, он размещается в древнем «капище» среди других богов. На свадьбе дочери царь Биармии Оксор рассказывает, как однажды к нему в страну приплыли варяги: «Раз варяги появились / В светлом море, все викинги. <...>

¹ А.В. Галанин пишет: «Гиперборейцы, видимо, и есть древние русы, их далекие прапредки, которые жили в Беломорье» [2], причем Беломорье и Биармия для него выступают синонимами.

Стали грабить все кумирни» [5, с. 53], но он напал на них «темной ночью» и прогнал обратно в море. Земля, откуда приплыли «варяги», или «викинги», никак не именуется. Также не имеет названия и земля племени Роч, которое в обозримом будущем, согласно предсказаниям тунов, потеснит обитателей блаженной «гористой Перми» (под племенем Роч имеются в виду русские).

Весь этот особый историко-географический ландшафт Жакова может быть понят лишь исходя из целостного контекста его творчества. В книге «На Севере, в поисках за Памом Бур-Мортом» (1905) землей сакрального знания, памяти и отеческих корней является для героя-рассказчика *север*, а в странствиях Пама Бур-Морта (одного из двойников или ипостасей автогероя) север замещается *востоком*: в поисках истины жизни Пам Бур-Морт движется сначала к югу, а потом к востоку — «к концу земли». Восточное направление значимо своим метафизическим и мифологическим содержанием: там постигаются последние смыслы миробытия, поскольку *восток* — это утро жизни, которая еще не началась, которая всегда впереди². В этнографическом очерке Жаков писал, что одно из следствий «культурного влияния русских — это влечение зырянина “в широкие места, на юг, на восток”. На запад его мало тянет. Он стремится “в привольную, хлебобородную, с хорошими лугами Сибирь”» [4, с. 346]. Запад и юг как земли, давно освоенные цивилизацией и, по-видимому, достаточно чужие для северян — «первобытных» народов (по Жакову), опускаются им, но сама «лакуна» на их месте симптоматична. Викинги же, как и любые «варяги», а также племя Роч — завоеватели, поэтому они лишены родины, своей земли.

Время жизни героев поэмы и существования их совершенного мира представлено как уже близящееся к закату — финал его близок и ясен, ибо автор не скрывает, что это время мифического идеала, располагающегося в прошлом. Судьба Биармии печальна (хотя печали этой не испытывает ни автор, ни, тем более, герои поэмы): «Через век страна погибнет / У реки Двины прозрачной — / Биармия та исчезнет. / Парма Эжвы жить же будет / Долго, долго и прекрасно» [5, с. 180]. По сути, жизнь Биармии объявляется прекратившейся вместе со смертью «светлой Райды», о деяниях которой пишет на дощечках сам князь Яур, ее супруг. Биармия отождествляется с образом женщины: вероятно, здесь можно увидеть общие черты, связывающие Жакова с современниками, поэтами символизма, не лишним будет назвать здесь имя А. Блока, а также и его «вдохновителя» Вл. Соловьева.

Жаков задал наиболее широкий и интересный ракурс художественного изображения Биармии. В последующей русскоязычной литературе возобладала сюжетика, запущенная скандинавскими сагами, и утвердился детективно-приключенческий характер интерпретации этой темы. Таковы, напр., повесть Е. Богданова «Ожерелье Йомалы» (1966), или роман Валентина Иванова «Повести древних лет» (1955). Интересно, что история о вторжении викингов в Биармию и нападении на святилище Йомалы стала фабульной основой сюжета пьесы современной поэтессы из Карелии Е.Г. Сойни «Оставайся в Биармии» (1996), поставленной на сцене Петрозаводского национального театра как рок-опера. Герои пьесы столь же репрезентативны, как и у Е. Богданова: это викинг Харальд Серая Шкура (реальный персонаж скандинавских саг) и его сестра Рагни, биармийцы и новгородцы. Дополнительно автор вводит фигуру поэта — скальда Эйнара, ставшего спасителем биармийской девушки, а затем погибающего от руки своей соплеменницы Рагни. Пьеса носит синкретичный характер: используется скандинавская символика (викинги ассоциируются с волками, у Рагни есть ручные вороны, а биармийка Йоучен сравнивается с лебедем), героический, исполненный высокой и суровой поэзии мир викингов прославляет скальд, правда, его песни слегка напоминают тексты пьесы Н. Гумилева «Гондла», но в своем интервью автор не скрывала, что источников ее вдохновения было много, и среди них поэты Серебряного века, воспевавшие Север.

*Как похожи вы,
Белые птицы
С самых разных земных берегов,
Здесь, во льдах, среди вечных снегов
Что заставило вас приютиться?
Ни оттаять — короткое лето,
Ни согреться — остудят ветра.
Внемля зову рассвета,
Собираются чайки.
Пора.
В разных стаях отправятся снова
К берегам отдаленных морей.
Солнцем сдержанным,
Солнцем суровым
Напоследок их, Север,
Согрей [12].*

«Мне кажется, что именно через поэзию возродилась легенда, миф. Поскольку история Биармии была воспета, значит, события происходили. <...> В этом месте соединились все

² В этой связи можно вспомнить многочисленные мифологизации Востока в отечественной культуре XIX–XX вв., из наиболее близких Жакову — «свет с Востока» в поэтической философии Вл. Соловьева, воспринятой А. Блоком и другими символистами, а также построения евразийцев.

культуры: и финно-угорская, и скандинавская, и культура ильменских славян. <...> В результате своеобразного синтеза культур и родилась северная Русь» [12], — так осмысляла сама Е. Сойни мотивы, побудившие ее к созданию пьесы.

Все эти произведения на тему Биармии с обязательным сюжетом вторжения скандинавских викингов предваряются историческим романом Валентина Иванова «Повести древних лет», впервые вышедшем еще в 1955 г., но с тех пор пользующемся неизменным спросом читателей. Здесь дан обобщенный подход к теме Биармии, хотя центральной идеей произведения является мысль об особом пути России, в IX-X вв. отстоявшей свою независимость от нашествия скандинавских викингов. Древняя Русь для Иванова концентрируется в Руси северной, новгородской, ибо именно ильменские славяне вместе с биарами — жителями беломорского побережья и прибрежных лесов — отбросили назад войско Оттара, о завоевательном походе которого рассказывают скандинавские саги. Иванов представляет свою концепцию развития не только русской, но и европейской истории. Вопреки пессимистической оценке Чаадаевым истории России как изолированной от общей судьбы Европы Валентин Иванов видит преимущества Руси-России именно в ее отдельности (но не обособленности). Западная Европа покорилась норманнскому завоеванию — Русь выстояла и вырастила особую государственность, сплотив народы на шестой части земли. Скандинавские викинги рисуются в произведении писателя как кровожадные, непомерно жестокие, абсолютно безнравственные и расчетливо-прагматичные хищники, эксплуататоры всех покоряемых народов. Образ жизни Оттара, во главе которого стоит культ силы и личной выгоды, противопоставляется в романе жизни новгородцев, носителей великой Новгородской Правды, в первую очередь — тех, кто отселился на дальние земли к устью Северной Двины, начал осваивать новые пространства, и начал не с вражды, а с дружбы и братской взаимопомощи населению этих земель. Разрушение, эгоизм, бесчеловечность, культ смерти — и созидание, дух коллективности, любви и жизни: таковы антиномии западного и восточного мира, раскрываемые Ивановым через сюжетно-образную систему произведения.

Одна из заключительных на сегодняшний день художественных рефлексий на тему Биармии звучит из уст Владимира Тимина, писателя коми, чей роман «Викинг из Биармии» был опубликован в журнале «Арт-лад» в 2011-2012 гг. «Биармия, — пишет автор, — это наша северная Атлантида. <...> ...я всем своим су-

ществом, как говорится, сердцем — чувствую: дошедшие до нас сказания, сведения о Биармии — не досужий вымысел, но отражение чего-то реального, действительно бывшего. Более того, я уверен: в событиях той далекой эпохи можно угадать, отыскать и корни истории древних коми людей, а значит — и мои далекие корни» [14, 2011, № 3, с. 22]. Словно вторя Елене Сойни, писатель заключает: «...легенда, сказание бывают даже реальнее того, что мы называем историей (курсив наш. — Е.С.)» [14, 2011, № 3, с. 22]. Вымышленное повествование о мальчике народа коми, увезенном викингами с собой, из пленника и раба ставшего затем полноправным воином-викингом и вновь вернувшимся на родину, чтобы погибнуть, защищая святыню, а с ней и своих родных, предваряется документально подкрепленным введением, где рассказывается о давней (1966 г.) фольклорной экспедиции, в которой автор, тогда еще совсем молодой, был вместе с А. К. Микушевым, патриархом коми фольклористики, ныне широко известным ученым. И точная дата экспедиции, и имя Микушева, и названия деревень в Удорском районе «удостоверяют» рассказ, услышанный автором-рассказчиком из уст «информанта», старика Зосима. Нарратив идет как цепная реакция: старик рассказывает о том, как в окопах Первой Мировой он сдружился с французом, и тот рассказал ему историю, услышанную им от предков: «В нашем роду из поколения в поколение переходит очень древнее предание о том, что один из предков в роду, выходец из норманнов, вообще-то родом из очень дальних земель, может быть, даже из Бьярмаланда» [14, 2011, № 3, с. 22]. Это предание и становится завязкой сюжета романа Тимина: писатель наполняет его плотью и дает свою версию истории мальчика Чож Ура, ставшего в стране викингов Бьярмой.

Таким образом, скандинавские предания и разнообразный исторический материал о Биармии в этом произведении интерпретируются с позиций народа, по праву считающего легендарную страну своей праисторической родиной. Биармия меняет облик: с ней происходит еще одна метаморфоза, и из морской страны она становится землей лесов и рек, сохраняя, однако, свою загадочность и конечную непостижимость наряду с чрезвычайной значительностью для судеб многих народов. Общефинский бог Йомалу, о котором говорится в скандинавских сагах, становится у Тимина Юмалой — главным богом преимущественно западных земель Биармии. На родине же Чож Ура, в восточных, т. е. зырянских землях главной богиней, защищающей людей и помогающей им, называется Зарань. При этом используется мифологема Золотой бабы, рас-

пространенная у коми, а также у их северных «родственников» вогулов. Именно ей поклоняются сородичи главного героя Бьярмы, ее спасает от кощунственного ограбления «викинг из Биармии», а затем о ее дальнейшей судьбе автор сообщает следующее: «После того случая Зарань в сопровождении значительной части коми общины была тайно отправлена к берегам Емвы, или, на местном наречии, Енвы (Енва — Божья река. — примеч. автора. — Е.С.). Обосновалась она на новом месте, как оказалось, надолго — до новых поползновений на ее всенародное уважение и поклонение. В золотом своем величии она ушла, а духовно осталась в этих землях вне зависимости от хода времен» [14, 2012, № 3, с. 59]. Богиня воплощает для автора душу коми народа, она — в центре его истории, и она столь же легендарна, как Биармия, вместе с которой она пришла в мир. Поэтому на миф о Биармии автор романа «нанизывает» важнейшие события из истории коми: миссионерство Стефана Пермского, который «...при поддержке стремительно растущей русской государственной машины кардинально изменил образ жизни и даже мышление сотен тысяч людей, чье национальное самосознание само по себе не успело к тому времени в полной мере созреть»; духовное сопротивление Пама «из рода древних князей Памов» — он «сразу же, как только почувствовал опасность, грозившую главной святыне пермян (понятие “Биармия” было уже искоренено) и всех родственных угорских племен, в сопровождении верных ему людей переправил золотую богиню за Урал. <...> Где именно сегодня Зарань?.. Об этом спрашивали и у хантов, и у манси, зауральских угров. Отвечали они всегда одно: “Про Зарань ничего не можем сказать. Столетиями люди об этом молчали, а мы что, самые болтливые?” Богиня Зарань на их языке — Сорни Най...» [14, 2012, № 3, с. 58]. Интересна состоявшаяся здесь «перелицовка» мифологемы Золотой бабы, которая в романах пермского писателя Алексея Иванова, например, имеет облик злобной идолицы, вредящей людям и внушающей непосвященным крошечный ужас. Что же касается ее путешествия в Сибирь, то это «общее место» сюжетов о Золотой бабе / Йомале / Зарань / Сорни Най (см. об этом [8]).

Следует также отметить принципиальное различие писателей в интерпретации и оценке как самих викингов, так и их завоевательных походов на Европу и на Русь / Биармию. Оценка эта определяется, в первую очередь, национально-этнической идентичностью автора. Русские писатели изображают викингов в достаточно неприглядном облике, наиболее резок и нетерпим здесь Валентин

Иванов («Повести древних лет»). Новгородцы (русичи) и коренные жители северных регионов биары (бьярмы, биармы, чудины и т. д.) способны к дружескому союзу, и только это может спасти их мир от порабощения грубой норманнской силой. Образы викингов у писателей, принадлежащих к исходно биармийским этносам, окрашены поэзией, несмотря на всю их жестокость и беспощадность. «Смелость, отвага, решительность, умение в совершенстве владеть своим оружием сделали их столь непобедимыми, что Европе пришлось жить под властью викингов целых триста лет. Они и внешне были заведомыми победителями...», — пишет Тимин [14, 2011, № 3, с. 22]. Облагораживание завоевателей происходит во многом благодаря образу скальда, который вводят и Е. Сойни, и В. Тимин: так, его мальчика из Биармии забирает от жестоких хозяев некий Хеймдалль скальд, мечтающий о том, чтобы увидеть далекую Биармию и заключить мир с ее жителями, он и обучает Чож Ура боевому искусству викингов. Мотивы действий конунга Эдвина Сильная Рука, с которым отправляется на родину достигший высокого статуса викинга Бьярма, одновременно расчетливы и благородны: «Находящийся на западе от него (Бьярмаланд) Гольмград (Новгород) расширяет свои владения, но к северу и северо-востоку преградой его притязаниям стоит Бьярмаланд. Конунги полагают, что постепенно Бьярмаланд будет терять свои замели, пока полностью не перейдет под руку многонаселенного Гольмграда. <...> Эта таинственная страна для нас может оказаться самой важной и ценной. Норманны по крайней мере готовы помочь Бьярмаланду, чтобы этот край не потерял своей самостоятельности, своего названия и значения» [14, 2012, № 3, с. 15]. Т. е. для этого автора из республики Коми спасением северных племен от колонизации со стороны сначала Новгородского, а затем Московского государства могло бы стать скандинавское владычество, которого, однако, в реальной истории не случилось.

«Мифография» Биармии обладает притягательной силой и, в качестве глобального пространственно-исторического мифа, впитывает в себя соседние, смежные и порой достаточно отдаленные мифологемы и концепты. При этом происходит естественная трансформация исходных мифов, и в поле художественного сознания того или иного автора актуализируется та мифологема, тот слой древних источников, который оказывается наиболее пригоден и причастен сегодняшнему дню. Но есть и великие поэты, в воле которых — не только продолжать, но

и запускать новые мифы, среди них — Каллистрат Жаков. Но, думается, история легендарной и поэтической Биармии еще не завершена.

Библиографический список

1. Абашев В.В. Пермь как текст. Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 2000. — 404 с.
2. Галанин А.В. Bjarmland — Русь Беломорская // Арктика и Север. 2011. № 2 (май). URL: http://narfu.ru/aan/article_index_years.php?ELEMENT_ID=15746 (дата обращения 30.10.2015)
3. Головнёв А.В. Бьярмия: неоконченная сага о крайней земле // Уральский исторический вестник. Екатеринбург, 2002. № 8. — С. 5-35.
4. Жаков К.Ф. Под шум северного ветра. Рассказы, очерки, сказки и предания / сост., вступ. ст. и комм. А. И. Туркина. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1990. — 464 с.
5. Жаков К.Ф. Биармия: коми литературный эпос / сост., предисл., комментарии А. К. Микушева; пер. на коми М. В. Елькина. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1993. — 312 с.
6. Леонтьев А., Леонтьева М. Биармия: Северная колыбель Руси. М.: Алгоритм, 2007. — 256 с.
7. Лимеров, П.Ф. Поэма «Биармия» как итог исследовательской деятельности Каллистрата Жакова по реконструкции древнего мировоззрения коми-зырян, П.Ф. Лимеров // Известия Коми НЦ УрО РАН. 2015. №1. — С. 110-116.
8. Мароши В.В. Использование мифопоэтического ресурса в современной региональной прозе охота за Сорни-Най // Литература Урала: история и современность: сб. ст. Вып. 3: в 2 т. Екатеринбург: УрО РАН; ИД «Союз писателей», 2007. Т. 2. — С. 266-278.
9. Никитин А. Биармия / Bjarmland скандинавских саг // URL: <http://library.narod.ru/saga/osnova312.htm> (дата обращения 30.10.2015)
10. Случевский К. По северу России. Путешествие Их Императорских Высочеств Великого Князя Владимира Александровича и Великой Княгини Марии Павловны в 1884 и 1885 гг. Т. 1. СПб.: тип. Э. Гоппе, 1886. — 332 с.
11. Советская историческая энциклопедия: в 16 т. Т. 2. М.: Советская энциклопедия, 1962. Стлб. 396.
12. Сойни Е. Моя Биармия // URL: <http://knk.karelia.ru/2009/10/mnogie-godi-o-biarmii-pomnili.html> (дата обращения 30.10.2015)
13. Теребихин Н.М. Геокультурные и геоисторические образы Русского Севера (Поморья) — родины Ломоносова // Россия: воображение пространства / пространство воображения / отв. ред. И. И. Митин. М.: Аграф. — С. 262-267.
14. Тимин В. Викинг из Биармии: роман // Арт-лад. Сыктывкар, 2011. № 3. С. 14-45; № 4. С. 10-45; 2012. № 2. С. 20-55; 2012. № 3. С. 15-59.